

• ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ КОНКУРСА •
«СТРАСТИ ПО ОЛЕГУ РОЮ»

МАРИНА ПОЛЕТИКА

верю - не верю

Марина Полетика

Верю – не верю

«ЭКСМО»

2012

Полетика М.

Верю – не верю / М. Полетика — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-58475-8

Вера встречает мужчину своей мечты – Вадима. Он скромн, обаятелен, умеет ухаживать, словом, кажется идеальным молодым человеком. Но однажды героиня лишается дорогой броши, подаренной матерью. Все указывает на то, что в краже виноват Вадим. Сердцем Вера чувствует, что любимый не мог ее так подло предать, но разум говорит другое. И теперь у девушки есть только один шанс узнать ужасную правду.

ISBN 978-5-699-58475-8

© Полетика М., 2012

© Эксмо, 2012

Марина Полетика

Верю – не верю

«Верю – не верю» – карточная игра, основной чертой которой является умение блефовать или разгадывать обман соперников.

Википедия

Маленькая золотая рыбка была совсем рядом, влажно поблескивали бриллиантовые чешуйки – протянуть руку и взять. Очень просто. Без всякого там «закинуть невод» и прочей канители. Взять и загадать желание. Никто не увидит и никто никогда не узнает. Очень, очень заманчиво. Как там? Дорогою ценою откупалась: откупалась, чем только пожелаю. Вот именно. Даром в этой жизни ничего не дается. Никому. Ни рыбкам, ни людям, будь они хоть сто раз золотые. За все приходится платить. За свободу, например. За сбывшуюся мечту. Или за любовь. О, за любовь, как правило, приходят самые большие счета! Так что пусть платят, как положено, и он, и она. Она особенно.

«Если вы хотите поменять обожание многих мужчин на вечное недовольство одного, то не стесняйтесь, выходите замуж!» (Кэтрин Хэпберн, актриса).

Склонив голову набок, Вера любовалась результатом – почерк у нее был отменный, отец внушил ей еще в детстве: у человека с неаккуратным, некрасивым почерком и мысли в голове обязательно будут небрежными, некрасивыми. А она очень любила красивые и умные мысли о разных вещах. О любви, к примеру. Или о замужестве. Конечно, Вера судила об этом умозрительно, потому что сама замужем никогда не была, и поклонники ее, честно говоря, не одолевали, но с неведомой ей Кэтрин Хэпберн все же соглашалась. Так, что-то еще было такое... неужели забыла? Ах да, вот: «Если женщина к тридцати годам некрасива, значит, она неумна». Коко Шанель. Оформив все должным образом, Вера откинулась на спинку стула и перевела взгляд на зеркало, висевшее на стенке платяного шкафа. Коко Шанель, несомненно, тоже права: с возрастом перестаешь бурно переживать по поводу недостатков своей внешности и учишься ценить достоинства. Да, у нее не идеальная фигура, и она никогда не носит брюки, лишь длинные свободные юбки. А шарф или шаль, накинутые на плечи, не только спасают от вечно донимающих сквозняков, но и уравнивают силуэт. А вот волосы у Веры просто отличные – длинные, густые, темно-русые, и не надо их ни завивать, ни красить (вот еще глупости!), а можно просто заколоть на затылке в тяжелый узел. Получается очень женственно. И папа так всегда говорит. Вера одобрительно кивнула своему отражению и захлопнула блокнот. Пора собираться.

Кстати, Вера была настолько старомодна и сентиментальна, что вела дневник. Точнее, толстый, как книга, блокнот в синей твердой обложке не являлся дневником в полном смысле слова, потому что она записывала в него не события, а умные мысли. Реже – свои, чаще – чужие. Этот блокнот появился в жизни Веры в тысяча девятьсот восемьдесят... Впрочем, с цифрами она счастливо не дружила, никогда не помнила ни дат, ни телефонов. Вера училась тогда в десятом классе, и учительница литературы посоветовала всем завести отдельные тетрадки для записи цитат и крылатых выражений, которые могли пригодиться на экзаменах. Вера Максимова была примерной ученицей и шла на золотую медаль, и потому решила не ограничиваться тетрадкой, а записывать умные мысли в толстый ежедневник. С тех пор это вошло в привычку, теперь ей сорок два года, а меткому высказыванию мадам Шанель был присвоен порядковый номер четыреста двадцать семь. Конечно, с тех давних пор многое изменилось, и можно было просто купить красиво изданный словарь афоризмов или сборник умных мыслей замечательных людей, но это были бы чужие книги. А синий блокнот давно превратился в друга, собеседника. Он выросл вместе с Верой, наблюдал, как менялись

ее мысли и интересы. С ним можно было вспомнить прошлое, поговорить, погрузить, улыбнуться своей наивности или оценить чужое остроумие.

– Вера! Ты уже ушла? А где у нас тот натюрморт, помнишь, с астрами? Почему все всегда теряется, я не понимаю!

Отец Веры, Борис Георгиевич, был глуховат после военной контузии и считал, что окружающие тоже страдают этим недостатком, поэтому всегда кричал. К тому же, будучи человеком эмоциональным, в последние годы охотно впадал в панику при каждом удобном случае.

Легко вздохнув, Вера сунула блокнот на положенное место в ящик письменного стола и отправилась в мастерскую. Они жили на четвертом этаже, а мастерская располагалась на пятом. Отец, пыхтя, поднимался следом.

– Ну где, где? Я уже час ищу! – всплеснув руками, бросился к полкам, где хранились картины, Борис Георгиевич.

– Как всегда, папа. Натюрморты у правой стены, а тот, что с астрами... С синими или с розовыми?

– Не с синими, не с синими, сколько раз повторять! С фиолетовыми! А те – не розовые, а сиреневые! И это моя дочь! – В голосе отца звучало неподдельное отчаяние.

– Так с фиолетовыми или с сиреневыми? – терпеливо уточнила Вера.

Интересно, что, разговаривая с отцом, она никогда не повышала голоса, но он отлично ее слышал – то ли читал по губам, то ли они, как все близкие люди, понимали друг друга с полуслова.

– С сиреневыми!

– Папа, не кричи, я прекрасно слышу. С сиреневыми – на второй полке сверху. Давай я тебе достану, а то ты упадешь.

– Я? Упаду? – немедленно обиделся Борис Георгиевич и, приставив стремянку к огромному, во всю стену стеллажу, стал карабкаться наверх.

Вера, покачив головой, подошла поближе, чтобы в случае чего поддержать отца. Через пару минут он спустился, прижимая к груди небольшую картину без рамы.

– А зачем она тебе понадобилась? – поинтересовалась дочь.

– Меня пригласили в библиотеку. Просят выступить. Там рассказывают о музыке и живописи. А я хочу подарить им. Пусть висит, а люди радуются.

Подъем и спуск по лестнице не прошли даром: Борис Георгиевич запыхался и говорил тихо, короткими фразами. Вера знала, что отговаривать отца от похода в библиотеку бесполезно. Его не так уж часто теперь куда-то приглашают, и он все равно пойдет, что бы она ни говорила.

– А когда встреча?

– Сегодня. В шесть.

– Нет, это надо же! – воскликнула Вера. – А почему ты меня не предупредил?

– А ты бы стала ругаться, – по-детски объяснил Борис Георгиевич и посмотрел на дочь снизу вверх: он сидел на нижней ступеньке стремянки, а она стояла рядом, глядя на него с возмущением.

– Я не стала бы ругаться! – неискренне сообщила она. – Я бы тебя отвезла. То есть я тебя и отвезу. В филармонию мне к шести тридцати, уйдем пораньше, и я успею. Иди вниз, я закрою. И собирайся. Костюм в шкафу, синий в полоску подойдет. Галстук на той же вешалке. Рубашку можно голубую.

– Нет, я надену китель с орденами, – упрямо произнес отец. – И белую рубашку. И еще нужна рама. Не дарить же просто так!

– Спохватился! – рассердилась Вера. – Где мы сейчас раму возьмем? Ты подари так, а я потом привезу им раму. И не спорь! Заодно посмотрю, как они ее повесят, как свет падает.

Последний аргумент убедил отца, и он послушно отправился одеваться. Вера тоже заспешила: с учетом пробок надо было выезжать немедленно.

Она выбирала заколку для волос, чтобы вместо чинного узла соорудить нечто более нарядное, когда в дверь постучали. Вера мысленно чертыхнулась. Стук означал, что это принесло соседку Валентину Кондратьевну. Две их квартиры имели общий «предбанник», который еще в небезопасные девяностые отгородили от лестничной клетки дополнительной железной дверью, поэтому посторонние в дверь звонили, а соседка стучала, причем всегда громко и требовательно. Валентина Кондратьевна была дамой неприятной во всех отношениях. Веру считала глупой девчонкой и никогда не упускала возможности сказать ей какую-нибудь гадость. Просто так, по-соседски. Вера же, в свою очередь, мечтала ей ответить как-нибудь этак, нахамить, в конце концов! Но воспитание не позволяло, поэтому она просто старалась проскочить мимо соседки незамеченной, что удавалось нечасто. Можно, конечно, сделать вид, будто никого нет дома, и не открывать, но папа сразу прочтет ей лекцию о том, что врать плохо и бояться им некого. Ему хорошо, он не слышит и половины того, что говорит противным сладко-вежливым голосом соседка.

Вера открыла дверь. И предчувствия ее не обманули.

– Вера, пожалуйста, вымой, наконец, пол в «предбаннике». Ты ведь уже, наверное, полгода не мыла? А у меня в квартиру пыль летит. – Валентина Кондратьевна для пущей убедительности помахала перед носом ладошкой, будто только ей видимая пыль намеревалась набиться в нос.

– У вас летит – вы и мойте! А мне пыль не мешает! Я и дома сто лет полы не мыла! Я их вообще никогда не мою, у меня пылесос есть! У меня времени нет в отличие от вас! Я работаю! И что за манера лезть к чужим людям с указаниями! – Все это Вера бормотала себе под нос, орудуя веником и тряпкой.

С одной стороны, она рассчитывала, что соседка подслушивает под дверью и таким образом узнает, что Вера о ней думает. Неприятно было вдвойне: ее ткнули носом, в «предбаннике» действительно было грязно, а Вера никогда там не прибирала, считая, что с нее и уборки в огромной квартире более чем достаточно. Но «предбанник» был крохотный, и вся уборка заняла несколько минут.

– Вот и прибрала бы сама! – подвела итог Вера и помчалась в ванную комнату мыть руки.

А в остальном ей повезло: библиотека оказалась недалеко от дома, пробки для шести часов вечера были вполне терпимыми. И уже в шесть пятнадцать она вошла в фойе филармонии, как всегда, отметив существенную деталь: любители музыки, словно террористы, пробирались на встречу с прекрасным через установленный на входе металлоискатель, под пристальным взглядом сурового охранника.

Отражение в огромном зеркале в оформленной под старину раме тоже ничем не огорчило свою хозяйку: длинное темно-бордовое платье из тяжелого трикотажа прекрасно сочетается с шалью оттенком на тон светлее и длинной ниткой янтаря (как только что сказал папа, цветовая гамма ранней осени), свободно заколотые деревянной заколкой волосы блестят без всякого кондиционера. Нет, она не льстила себе кокетливой надеждой, что выйдет на двадцать пять, но и больше ее сорока двух ей никто не даст. А еще у Веры есть время выпить в буфете чашечку кофе и спокойно настроиться на встречу с сонатой Шопена номер два си-бемоль минор в исполнении, согласно программке, лауреата всевозможных музыкальных конкурсов Паскаля Девуайона.

Вечера в филармонии, среди своих, Вера любила и бывала там часто. Однако своих, то есть соучеников по консерватории, коллег она встречала редко. Наверное, им хватало многочасового общения с музыкой по долгу службы. Но Вера, работавшая в районном доме творчества, хорошую музыку слышала нечасто, все больше гаммы да этюды Черни, а вальс Грибоедова для ее подопечных уже был вершиной мастерства. И по настоящей, высокой музыке она сучала,

как... по своей молодости, когда все казалось красивым, просторным и многообещающим, и в филармонию они ходили каждый вечер бесплатно, по студенческим билетам. Теперь же соседями Веры в зале были настоящие любители музыки, те, для кого она являлась не профессией, а радостью, утешением и украшением серых будней. И Вера за это их всех очень любила.

И Шопена она тоже любила. Но не вальсы, которые казались ей помпезными и одновременно суетливыми. А вот эту сонату, ее Шуман называл самым безумным детищем Шопена. И когда Паскаль Девуайон взял первые ноты вступления, а потом зазвучала первая часть с ее постоянной сменой форте и пиано и странным развитием от диссонансов к диссонансам, Вера целиком отдалась во власть мощной, мрачной и торжественной музыки. Закрыв глаза, она представляла бурю, черную и страшную, низкое тяжелое небо – и вдруг прорвавшийся сквозь тучи луч солнца. От подаренной последней надежды отчаянно сжималось сердце, перехватывало горло, и почти сладкие слезы выступали на глазах. Нездешний голос пел грустно и просто, ничего не обещал, но утешал. Однако клубящиеся громады черных туч вновь смыкались, луч солнца пропадал. И опять, надрываясь, звучала сумрачная, похоронная музыка.

Вера украдкой смахнула слезы и оглянулась по сторонам – воспитанный человек на станет проявлять свои эмоции на людях. Но на нее никто не смотрел, все были так же, как и она, захвачены этой великолепной музыкой, – и за это нелюбопытство Вера любила их еще больше, как родных и близких людей. После концерта, поставив машину на стоянку, она не спеша шла домой, нарочно шуршала опавшими листьями, и в душе у нее звучали не отголоски трагедии, только что пережитой вместе с услышанной музыкой, а отчего-то – светлой и необъяснимо откуда взявшейся надежды. На что?

Она и сама не знала.

Милица Андреевна скучала. Она ненавидела себя за это состояние души и изо всех сил делала вид, будто смотрит телевизор. Но на самом деле сериал про девиц из Смольного института занимал ее мало. Девицы были слишком нахальны и современны, а в разговоре постоянно сбивались со старинной церемонной речи на более близкий сценаристам сленг своих еще не родившихся правнучек. На другом канале члены семейства Ворониных бодро перелаивались и ловко кусали близких за больные места. Лениво переключая кнопки, Милица Андреевна полюбовалась на несколько крупных ДТП, арест карманника, драку неверных супругов, одно наводнение и три шоу из зала суда. На этом ее терпение лопнуло, она выключила телевизор и пересела к окну.

Свежевымытое стекло сияло. За ним тоже кипела жизнь: орали воробьи, радуясь уходу зимы, в лужах купались голуби и солнечные зайчики, на старой березе, дотянувшейся ветками уже до пятого этажа, сияли крошечные изумрудно-зеленые клейкие листочки. То есть содержание картинки стало более позитивным, но теперь не хватало динамики, если не считать женщину из дома напротив, которая развешивала на балконе белье, и бегущих из школы мальчишек. Наверняка с уроков смылись, негодники, и хорошо, если в кино, забеспокоилась Милица Андреевна. Никому теперь дела нет, где дети болтаются, – ни родителям, ни школе. Впрочем, одернула она себя, это не ее дело и не надо привыкать к стариковскому брюзжанию. Может, на занятия в спортивную секцию мальчишки торопятся.

Да, так и с ума сойти недолго, вздохнула Милица Андреевна. Почитать? Тогда глаза устанут, и вечером совсем нечем будет заняться. В доме наведен идеальный порядок, даже окна вымыты и повешены отстиранные шторы – пыли-то за зиму накопилось, тихий ужас! Да... Кошку, что ли, завести? Все-таки живая душа. Но кошек она не любила, слишком самостоятельные. Опять же мебель исцарапают, шерсть везде. Пойти гулять? Погода отличная, да что-то нога с вечера разболелась, видимо, завтра погода испортится... Ну что же это такое!

Сегодня, в понедельник, одиннадцатого мая, Милица Андреевна в очередной раз начала новую жизнь: проснувшись, как всегда, в половине восьмого (в этом вопросе себя так быстро не переделаешь!), лежала в постели, пока не заболели бока, потом сделала зарядку, выпила

чаю и вымыла посуду... А затем долго сидела, глядя перед собой, – думала, чем бы еще в этой новой жизни заняться, если стирать и прибирать ничего не нужно и суп приготовлен на три дня вперед. В прежней, главной жизни подобного вопроса у нее не возникало. В той жизни у нее была работа, вот, например, последние семь лет она трудилась гардеробщицей в областной детской библиотеке. А что? Ей, например, очень даже нравилось: старинный, недавно отремонтированный особняк с паркетом, мраморными лестницами и сверкающими люстрами, замечательные умные детки, вежливые сотрудники, книг много. А главное, чувствуешь себя нужной. И есть с кем поговорить. Но стали болеть ноги. К концу дня совсем невмоготу. Врач сказал: бросайте работу, необходимо себя беречь.

А зачем? Конечно, у нее есть сын, внук, невестка, и они всегда рады ее видеть. Но, понятное дело, у них свои дела, своя жизнь, и внук Дениска уже совсем взрослый, в этом году оканчивает школу. Им и по телефону-то бывает некогда поговорить: привет, мамочка-бабуля, как дела, пока! Позвали бы хоть по дому помочь, если не в гости, наверняка у невестки окна еще не мыты. Но нет, не зовут дети, не нужна больше! Лекарства – пожалуйста, деньги – пожалуйста, а остальное – увольте, живи одна, как знаешь. А как жить, если в жизни никакого смысла нет?

Грустные мысли прервал телефонный звонок. Звонила старая приятельница, Лина Георгиевна. Ей-то хорошо, вдруг подумала Милица Андреевна. Она хоть и старше на девять лет, а до сих пор работает заведующей аптекой, и дел у нее всегда невпроворот! Впрочем, своих завистливых мыслей она сразу устыдилась.

– Милочка, здравствуй, дорогая! Я тебя не разбудила?

– Что ты? – обиделась Милица Андреевна и соврала: – У меня дел полно!

– Не говори, что на пенсии, что не на пенсии, дела никогда не кончаются, – согласилась приятельница. – Как твоя нога? Я тебе мазь отличную выписала со склада, пока артрит в самом начале, его надо контролировать. Заедешь?

– Конечно! – обрадовалась Милица Андреевна. – Сегодня можно?

– Разумеется, жду! Ты лучше к закрытию приезжай, я тебе такие новости расскажу!

– Какие? Хорошие? – заволновалась Милица Андреевна, в жизни которой давно не было новостей, если не считать телевизионных.

– У нашей Верочки жених появился! – воскликнула Лина Георгиевна. – Представляешь? Вот уж не думали, не гадали! Тоже музыкант! Ой, извини, дорогая, ко мне пришли. Так я тебя вечером жду, договорились?

Положив трубку, Милица Андреевна почувствовала себя другим человеком. И что она раскисла? У нее есть подруги, свободное время, чтобы заниматься всякими интересными делами. Вот поедет почти в гости, узнает интересные новости. Раньше Лина Георгиевна жила с Милицей в одном подъезде, всегда помогала ей с лекарствами, они частенько беседовали о всяком разном. Своей семьи у Лины никогда не было, она жила делами брата и единственной племянницы Веры. Потом Лина переехала, но общаться они не перестали, вели долгие телефонные разговоры, иногда ходили в театр или на выставки. Милица видела Верочку несколько раз, мельком, та была еще школьницей или студенткой, но знала о ней очень много. Лина гордилась племянницей и часто о ней рассказывала, а Милица рассказывала о внуке (тогда-то она с Дениской виделась чуть не каждый день: из школы встретить-проводить, на тренировку отвести, уроки проверить), обе хвастались, и тема была неисчерпаемой. Любопытно, какие там новости у Веры? Жених... Да ведь ей, кажется, уже за сорок!

Милица Андреевна энергично потерла руки и принялась собираться. До вечера далеко, но, во-первых, она должна выглядеть на все сто, а во-вторых, можно приехать и раньше назначенного срока, погулять по центру города, она давно там не была. Милица Андреевна выглянула за окно – столбик термометра уверенно полз вверх, окно-то выходило на солнечную сторону. Нога волшебным образом перестала болеть. И настроение вдруг поднялось с нуля до положительно отличного!

- Слушай, Серый, а у меня сегодня на работе такое было!
- М-м?
- Это тебе «м-м», засоня противный, а я чуть со стыда не умерла, правда!
- Очень рад, что ты осталась жива. Что бы я без тебя делал? А с пережитками надо бороться. В наше время от стыда никто не умирает. Это старомодно. Давай прямо сейчас и начнем бороться с пережитками.
- Нет, убери, убери руки... да что же это такое?! Ну послушай, я расскажу! Между прочим, это по теме.
- Раз по теме, тогда давай. Я угадаю... Ты звонила в «секс по телефону»?
- У тебя одно на уме! Ко мне старушка одна иногда приходит. Вернее, не старушка, а пожилая дама, такая вежливая, спинка прямая, на шее всегда платочек повязан. Она бывшая учительница литературы, а муж у нее – доктор каких-то наук, я забыла. Да я тебе про нее рассказывала, помнишь?
- Конечно, я все всегда помню...
- Врешь ведь! Да не засыпай ты, бессовестный! Что за манера? Слушай! Они оба с мужем читать очень любят, а книги сейчас не разбежишься покупать, особенно с пенсии. Да и книг море, не разобраться. Вот она ко мне уже несколько лет в магазин приходит, спрашивает, что почитать, я рассказываю, и тогда она покупает. И вот она на той неделе приходит. А у меня времени не было хоть что-нибудь прочитать. И все из-за тебя, между прочим!
- Да, вот такой я у тебя молодец!
- Тьфу на тебя! И я ей говорю: возьмите «Васильковый крест» – автор известный, правда, раньше она дамские романы писала, а тут серьезная книга, и сразу получила Букера. Это тебе не просто так! Значит, наверняка интересная. А сама-то я не читала!
- Кошмар-р! Катастр-рофа!
- Тебе смешно. А сегодня она приходит – губы поджаты, вся кипит от возмущения. Говорит, как вы могли, Маша?! Чем я заслужила подобное отношение? Если вам надоело со мной заниматься, вы бы мне так и сказали, но зачем издеваться? Я стою, ничего не понимаю, глазами хлопаю. А она мне книжку ту сует, которую я ей порекомендовала в прошлый раз. Отдала, повернулась и ушла. Я беру, читаю. Там с первой строки такой примерно диалог: «В афедрон не давала ли? – Давала, батюшка, давала».
- Куда-куда давала? Так, это становится интересным. Это про что они?
- Именно про то, о чем ты подумал. Священник девушку на исповеди спрашивает, давала ли она в афедрон. А она не понимает, что афедрон – это... это...
- Ну что, что?! Давай смелее! Иначе я не догадаюсь!
- Это про... ну... анальный секс. Такая гадость!
- Батюшки, покраснела! Нет, Марья, я тебя просто обожаю! Ну дай, дай поцелую... И что там дальше с афедроном, то есть с исповедью?
- Вот на этом и строится весь диалог: он имеет в виду секс в извращенной форме, а бедная девушка его не понимает и объясняет, что давала в дорогу пироги мужу, свекру и брату. То есть всем давала. Поп в ужасе. Представляешь, такая гадость! Автор считает, что смешно. А это просто порнография! И за это Букера?! Лучшая книга в России?! Ну что ты хохочешь? Я тебе больше ничего не стану рассказывать!
- Ой, я не могу! Погоди... Аж до слез! Сто лет так не смеялся! Значит, ты этой бабушке за ее же деньги подсунула порнуху?
- Да ведь я же не знала! Говорю тебе, сама не читала, только успела в Интернете список финалистов Букера посмотреть. Мне и в голову не приходило... Так неудобно!
- Неудобно спать на потолке. И еще штаны очень неудобно через голову надевать. Были бы на мне сейчас штаны, я бы тебе показал...
- Да ну тебя! Отстань!

– Нет уж, нет уж! Давай разберемся. Я все равно не отстану. По-твоему, анальный секс, как ты выразилась, гадость, да?

– Не буду я про это разговаривать. У тебя ни стыда, ни совести нет!

– Все тебе досталось. Итак, во-первых, это не гадость и никакое не извращение, а очень даже... и не смей затыкать мне рот, я еще не договорил! А во-вторых, ты совершенно права: зачем нам про секс беседовать, если мы можем на практике все уточнить? Суха теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет. Кто сказал?

– Гёте.

– Машуня, ты потрясающая! Я дожил – нет, смотри, смотри, вот здесь и здесь – до седых волос, но никогда не встречал женщину, которая, лежа в постели с любовником, будет разговаривать о судьбах русской литературы, о Букеровской премии и о Гёте. И еще ты знаешь, я уже давно не видел, как женщины краснеют. Теперь ваш слабый пол любого мужика в краску вгонит.

– Сереж, я дура, да? Прости, пожалуйста.

– Ты не дура. Ты моя умница. И красавица. Ты самая лучшая на свете. Я тебя очень, очень люблю. Хотя ты почему-то не отвечаешь мне взаимностью.

Это была странная комната. В ней не было углов, стены плавно переходили одна в другую, воспроизводя примерные очертания неправильной формы кабачка. Мебель тоже без углов: несколько столиков с хитро изогнутыми столешницами и кривыми ножками прятались между мягкими креслами обтекаемой конфигурации. И даже часы на стене, показывавшие половину девятого, имели форму капли. К тому же все в этой комнате, включая бамбуковые обои на стенах и тяжелые портьеры на окнах, было зеленым, являя собой палитру оттенков от наивно-весеннего до солидного болотного. Преобладал, однако, респектабельный темно-зеленый.

В креслах полулежали люди разного возраста, у которых имелось нечто общее, – зеленоватый цвет лица, составлявший прелестную гармонию с общим колоритом. Возможно, виноват в этом был мягкий свет настольных ламп с зелеными абажурами. Впрочем, было и одно бросающееся в глаза исключение: один человек не сидел, а стоял, и его лицо имело приятный розовый цвет, что бесспорно свидетельствовало о прекрасном здоровье. Мужчина был в бежевом джемпере с приколотым к нему бейджиком, на нем значилось: «Либерман Михаил Семенович, главный врач». Из чего можно было сделать вывод, что несоответствующий обстановке цвет лица господину Либерману полагался по долгу службы.

– Добрый вечер, дамы и господа! – приятным поставленным голосом произнес главврач.

Бледно-зеленые господа и две дамы того же оттенка поздоровались вялым нестройным хором.

– Сегодня нас с вами ожидает процедура весьма и весьма приятная, она будет повторяться каждый вечер на протяжении всех десяти дней вашего пребывания у нас. Я уверен, что у вас останутся хорошие впечатления. Но сначала несколько слов о том, что вам предстоит. Вас ждут десять сеансов музыкотерапии. Что это такое? – спросил сам себя главврач и довольно потер руки. – Лечебное действие музыки на организм человека известно с древних времен. Первая попытка научного объяснения данного феномена относится еще к семнадцатому веку, а в конце девятнадцатого ученые стали предпринимать попытки подвести физиологический базис под имеющиеся факты. Под руководством знаменитого русского врача психиатра Бехтерева в 1913 году в России даже было основано «Общество для выяснения лечебно-воспитательного значения музыки и гигиены». Музыка, дамы и господа, мощно воздействует на подкорку головного мозга, откуда передаются тонизирующие, активирующие влияния, являющиеся питательным источником корковой деятельности...

В этом месте один из зеленых людей громко всхрипнул, уронив голову на грудь, и главврач, спохватившись, свернул лекцию:

– Впрочем, не буду утомлять вас, дамы и господа, научными терминами, скажу лишь, что музыка – самое безопасное профилактическое средство. Она не вызывает побочных явлений и негативных последствий. Музыка показана всем без исключения. Репертуар разработан научными сотрудниками именно нашей клиники, это наше, можно сказать, ноу-хау, и мы этим очень гордимся. А сейчас позвольте представить вам нашего врача музыкотерапевта... – И он, поклонившись, как оперный певец на авансцене, покинул зеленую комнату.

Музыкотерапевт оказался высоким мужчиной за сорок, полноватым и нескладным. И поздоровался он как-то неловко, будто слегка робел перед зеленоватыми гражданами, глядевшими на него снизу вверх с вялым любопытством. Не говоря ни слова, он принялся доставать из большой сумки... бубны и раздавать их присутствующим. Такое начало «сеанса» вывело «зеленых» из ступора, в котором они пребывали. Они оживились, заерзали, высвобождаясь из кресельных объятий. В глазах появился интерес.

– Давайте попробуем, – неуверенно предложил музыкотерапевт, вручив последний бубен. – Родион Щедрин, «Кармен-сюита». Я начну, а вы за мной. В ритме. Как получится. Главное, не стесняйтесь.

Сам он, похоже, стеснялся и робел, и это было странно для взрослого мужчины, занимающегося столь серьезной научной деятельностью. Впрочем, он чем-то походил на маленького мальчика, только в увеличенном масштабе, и очки в дешевой металлической оправе с мягкими проволочными дужками лишь усиливали впечатление. Он подошел к фортепиано, до сих пор скрывавшемуся за изгибом стены, наверное, потому, что при ближайшем рассмотрении оно оказалось не зеленым, а светло-бежевым, оттенка сосны, и стеснялось своего несоответствия. Мягким, даже ласкающим жестом музыкотерапевт снял с него маскирующую накидку, раскрашенную болотно-зелеными цветами и разводами в технике батика, и, не найдя подходящего места, положил ее на пол, как лягушачью шкурку. Зеленый народец, окончательно очнувшись от ступора, почти в полном составе выбрался из кресел и расселся по подлокотникам, каждый из которых, впрочем, был шириной со стул. В руках все сжимали бубны и обменивались недоумевающими взглядами.

Музыкотерапевт уселся на стул, поднял крышку и, задумавшись на мгновение, начал играть. Музыка заполнила комнату, казалось, даже сам воздух стал музыкой. Она была слишком велика для комнаты и все нарастала, усиливалась. Зеленые человечки тоже поначалу несмело принялись постукивать в бубны, на их лицах появились извиняющиеся улыбки, которые как бы говорили – мы понимаем, что все это чепуха и детские игры, но если уж попросили... Постепенно они, захваченные музыкой, увлеклись процессом и теперь уже колотили в бубны от всей души. Одна из двух дам вскочила и, подняв бубен над головой, стала приплясывать, очевидно, воображая себя роковой красоткой Кармен. А здоровенный лысый дядька остервенело стучал бубном об колено, совершенно не попадая в ритм, но явно получая огромное удовольствие от коллективного творческого процесса.

Когда музыка затихла, самодеятельные музыканты, улыбаясь, качали головами и весело переглядывались. Странно, но они были уже и не такие зеленые, а дама-Кармен и вовсе радовала глаз робким румянцем на щеках.

– Круто! – оценил работу «оркестра» лысый, вытирая выступивший на лбу пот. – А на фига это?

– Вообще-то, я не должен вам объяснять, – извиняющимся тоном произнес музыкотерапевт, поворачиваясь к «оркестрантам». – Сегодня, во всяком случае. Михаил Семенович считает, что вы должны действовать интуитивно. Но я понимаю, что вам хотелось бы знать...

– Давай короче! – распорядился лысый и, подойдя поближе, покровительственно похлопал пианиста по плечу, отчего тот едва не слетел со стула. – Семеныч еще когда придет, а нам сейчас прикольно знать.

– Хорошо, – согласился музыкотерапевт, поправляя съехавшие очки. – Вы же знаете, в древности шаманы били в бубен. А теперь ученые доказали, что ритм бубна повышает уровень природного этанола в организме человека. А этанол – природный алкоголь.

– То есть я в бубен постучал и будто стакан коньяка тяпнул? Так, что ли? – недоверчиво переспросил лысый, а окружающие насторожились.

– Ну, может, не стакан... Это же природный... Для лечения... – смутился музыкотерапевт. – В общем, я вам ничего не говорил...

– Что вы пристали к человеку? – вступилась за бедолагу раскрасневшаяся и похорошевшая Кармен. – Им виднее, как лечить. А если вы привыкнете вместо стакана коньяка слушать музыку, то, значит, не зря деньги потратили на лечение.

– А какую музыку будем слушать? – заинтересовался тощий долговязый мужик в клетчатых пляжных бермудах и майке с портретом Че Гевары, странным образом сочетавшейся с замысловатой татуировкой на предплечье. – Если коньяк, то «Реми Мартин» хорошо идет.

– Господи, – простонал помятый мужчина с круглым пивным брюшком и темными кругами под глазами. – Опять! Ведь вам, кажется, говорили уже!

– Молчу, молчу, – обиделся фанат Че Гевары. – Подумаешь... Классику, что ли?

– В общем, да, – кивнул музыкотерапевт. – Именно классика так воздействует. Хотя, конечно, не только. Это у нас была, так сказать, разминка. А слушать мы сегодня будем «Шесть музыкальных моментов» Рахманинова и «Лунную сонату».

– Бетховена! Людвига ван! – перебила его Кармен, оглядев собравшихся с видом превосходства.

Мужчина с татуировкой фыркнул и пожал плечами.

– Давайте начнем? – предложил пианист. – Мы должны закончить к половине десятого, у вас ведь режим. А все вопросы вы потом зададите Михаилу Семеновичу.

Но заглянувшему в комнату-кабачок Михаилу Семеновичу никаких вопросов не задали: все присутствовавшие мирно дремали под убаюкивающие звуки волшебной «лунной» музыки. На столиках с оливково-зелеными столешницами лежали бубны и тоже, кажется, дремали. Главврач, оглядев картину, на цыпочках удалился, и вид у него при этом был весьма довольный.

– На сегодня все, всем спасибо! – Дирижер Павел Михайлович бодрым колобком соскочил со своего возвышения, на бегу пожал руки концертмейстеру группы скрипок Кириллу Петровичу и умчался за кулисы.

– Господа, напоминаю, что завтра репетиция переносится на одиннадцать часов! На одиннадцать, господа, все меня слышали? – поспешно прокричал инспектор оркестра.

Господа слышали и даже покивали, но вид у них был, как у школьников, которые спешат после звонка запихать в портфель учебники – и да здравствует свобода! Неважно, что вместо учебников – нотные листы, а вместо потрепанных ранцев – футляры для инструментов. Свобода, она и есть свобода, хотя с годами имеет печальное свойство перерождаться в осознанную необходимость. Только Кирилл Петрович собирался солидно, без суеты, чтобы не пришлось пережидать толкучку в дверях. А чего ему спешить – дети взрослые, на вторую работу бежать не надо, живет через дорогу, не всем же так везет.

– Арина, ты домой? Подбросишь меня до школы? Жена сегодня не может забрать, я обещал. – Леша, второй гобой, смотрел заискивающе: кому охота общественным транспортом пилить через полгорода.

– Подвезу. Мне только позвонить надо срочно, – отозвалась Арина, доставая из сумки сотовый.

Ольга Владимировна, концертмейстер скрипок, покосилась неодобрительно: телефон на сцене считался моветоном. Но Арина независимо дернула плечом – репетиция закончилась, дирижер ушел, и нечего ей указывать. Она торопливо набрала номер и стала ждать ответа. Библиотекарь Леночка, собиравшая с пюпитров ноты, подозрительно замешкалась рядом –

девчонка слишком любопытна, да и болтать потом станет, ну и пусть, весело подумала Арина, ей нечего скрывать от общественности!

– Здравствуй, дорогой! Как у тебя дела? Прости, что не сказала тебе «доброе утро», но, как всегда, проспала, вскочила в последнюю минуту, и не до звонков было. А сообщение мое получил? Круто, да? В Швейцарию, представляешь?! В августе, на десять дней, и даже пару дней отдохнуть можно будет. Ой, а еще, слушай, такая новость! У Веры появился жених, представляешь? Интересно было бы на него посмотреть. Она его почему-то скрывает. В нашем возрасте новые романы заводить нелегко. Нет, я тоже за нее рада, конечно. Все-таки женщине всегда хочется опереться на мужское плечо, а она, бедняжка, всю жизнь одна. А ты сегодня во сколько приедешь? Я хочу быть дома к твоему приезду. Почему завтра? Ты нарочно, да? У меня завтра работа. А днем ты не сможешь? Я по тебе так соскучилась, любимый! Все-все, люблю-целую, я перезвоню!

– Арин, поехали? – Лешка топтался рядом, прижимая локтем футляр, в обеих руках – сумки с продуктами. – Что-то случилось?

– Нет, с чего ты взял? Мужу позвонила, все в порядке.

– Просто у тебя такое лицо...

– Проехали, Леша!

Нет, зря она так резко. И в самом деле все в порядке, ничего не произошло.

– Пойдем, Леша, а то будет твоя Ксюшка опять реветь в коридоре, что всех забрали, а ее забыли.

К последним концертам сезона чопорный филармонический зал преображался. Вместо стройных рядов кресел с малиновой обивкой по залу были расставлены пластиковые столики и стулья. А на столиках – вопиющее отступление от правил! – стояли бутылки шампанского, конфеты и фрукты. Замечательная традиция, которую публика, за зиму подуставшая от серьезного репертуара, сразу приняла на ура: в конце мая в афише была только легкая музыка, а слушателям не возбранялось притопывать в такт и даже подпевать.

Подпевать и притопывать Вера не стала, но настроение у нее было, мягко говоря, необычное. И сама себе удивлялась. Была ли тому виной возмутительно-легкомысленная весенняя погода (днем грянула первая в этом году гроза!) или то, что в программе сегодняшнего вечера значились не Мусоргский и не Бетховен, а «Джаз энд блюз «Ритм дорог» Элвина Аткинсона? Но она никак не могла сосредоточиться на музыке, хотя и честно старалась. Раньше подобного никогда не случалось!

Сначала она рассматривала музыкантов. Пианист был толстый, круглолицый, молодой, с веселыми и лукавыми глазами. Девушка за контрабасом, напротив, худа, как палка, и уморительно серьезна, будто на экзамене. Певица, тощая жилистая негритянка с копной кудрявых волос, жестко и властно буквально тащила всех за собой, задавая темп и настроение. Ударник, невероятно обаятельный, длиннорукий и длинноногий негр, театрально страдал, лупил барабаны, как живые существа, словно они нашкодили и в чем-то перед ним виноваты, потом радовался жизни, гладил их – и опять бил остервенело, а иногда, по-мальчишески озорничая, оставлял в покое барабаны и отбивал ритм на собственной лысой голове.

Солисты прямо-таки превзошли себя, и мужчина, сидевший за соседним столиком, заорал «Браво!» так оглушительно, что Вера едва не упала со стула. Она обернулась, посмотрела укоризненно, но мужчина ее взгляда не заметил, продолжая орать и отчаянно бить в ладоши. Вера, пожав плечами – все-таки филармония, а не стадион, – тоже похлопала и принялась украдкой рассматривать соседей.

Их четырнадцатый столик был рассчитан на «шесть персон». Себя Вера, как женщина воспитанная, персоной номер один называть не стала. Таким образом, первый порядковый номер присвоили пожилой даме, сидевшей по левую руку от нее. Странно, удивилась Вера, ни за что не заподозрила бы ее в любви к негритянской музыке. И на других концертах она эту

даму никогда не видела – а за зиму все лица примелькались, и многие, будучи не знакомы, раскланивались в фойе. Наверное, ей сделали подарок дети, ведь не каждая пенсионерка может выложить семьсот рублей за билет. Хорошо, что папа получает пенсию как инвалид войны, да еще всякие льготы, вздохнула Вера, ее зарплаты хватало бы только на квартплату и бензин. Хотя откуда бы тогда у нее взялись деньги на машину? Ей и бензин был бы не нужен...

Негритянка взяла в руки саксофон, а ударник вдруг запел. И Верины мысли потекли в другом направлении, впрочем, столь же далеко от музыки. Персонами номер два и три стала супружеская пара в летах, очень интеллигентного вида. Они явно разбирались в джазовой музыке и были искренне увлечены исполнением.

Сидела за их столиком и еще одна супружеская пара, и Вера, как ни старалась, почему-то не могла заставить себя не рассматривать их украдкой. Обоим лет по тридцать, не более. Мужчина в джинсах и куртке от спортивного костюма, с бритой головой, короткой толстой шеей и квадратным подбородком. Вера предполагала, что он увлечен, наверное, кикбоксингом, а не джазовой музыкой. В антракте мужчина сбегал в буфет и принес тарелку бутербродов с рыбой и с колбасой, которые теперь с увлечением поедал, не особенно интересуясь происходящим на сцене.

Его жена была беременна. Больше в ней не было ничего особенного или примечательного: простенькое личико, серые глаза с едва подкрашенными ресницами, прямые светлые волосы, собранные бархатной резинкой в узел. Одна недлинная прядь постоянно выбивалась, и женщина мягким движением заправляла ее за ухо. На шее нитка дешевых бус под жемчуг, которые она задумчиво перебирала пальцами, и Вера отчего-то не могла оторваться от этих пальцев и бусин. Она была вся какая-то аккуратная, чистенькая, правильная. Видимо, врач сказал ей, что беременным полезно слушать музыку, а она решила, что все будет делать так, как положено. От осознания этой правильности и будущей определенности жизни ее лицо светилося покоем и довольством. Как и Вера, женщина вряд ли слышала музыку: она пришла сюда ради ребенка. Иногда она вопросительно поглядывала на мужа и улыбалась ему мимолетной улыбкой, а он отрывался от очередного бутерброда и нежно гладил ее по руке своей здоровенной лапой. И тут же исподлобья оглядывал окружающих: не угрожает ли кто-то или что-то спокойному благополучию его супруги и его будущего ребенка. Было понятно, что любая угроза пресечется мгновенно и жестко.

«Никто и никогда не заботился так обо мне, – вдруг подумала Вера. – Никто и никогда не смотрел так, будто я центр Вселенной и вокруг меня вращаются все планеты. И не стремился уберечь меня от...» Господи Боже, да от чего ее беречь, если она и сама со всем прекрасно справляется! Зато Вера ни от кого не зависит и ни к кому не должна приспосабливаться, смотреть вот так вопросительно и снизу вверх, как его жена. Веру ее собственная жизнь абсолютно устраивает. Точнее, устраивала... до последнего времени.

Саксофонистка играла медленную мелодию, и саксофон пел, как человек, хрипловато, устало, томительно-нежно. Прикрыв глаза, Вера вдруг представила себя на месте этой женщины. И что сидящий рядом с ней мужчина – ее мужчина! – вот так же гладит ее по руке и готов защищать ее от всего мира. Она вдруг смутилась, будто окружающие могли прочесть ее странные мысли. Какая глупость! Что она себе насочиняла?! Вадим... Да, Вадим другой. Он слушал бы музыку, а не смотрел бы по сторонам, как охранник при важном начальстве. Нет, не так. Они вместе слушали бы музыку, им было бы хорошо вдвоем. Втроем с музыкой. И никто бы на них не таращился, потому что они были бы совершенно незаметны, как пожилые супруги, сидящие напротив нее. Гармония никогда не бросается в глаза.

А что? Вера никогда не была наивной мечтательницей, но ведь это вполне возможно: на следующий сезон они с Вадимом обязательно купят два абонементов. И станут ходить вместе. Вместе слушать. Вместе радоваться. И по дороге домой обсуждать услышанное, и как это будет упоительно, потому что говорить они будут на одном языке! Решено: через две недели

у нее день рождения, и она обязательно пригласит Вадима. И тетю Лину, и девочек, конечно. Уже пора их всех познакомить с Вадимом. В конце концов, они не дети и могут принимать те решения, какие считают правильными. Папа поймет. Девочки удивятся, но обрадуются. Да, именно так она и поступит.

Из мечтательного состояния Веру вывели громкие аплодисменты. Ничего себе! Впервые в жизни она провела вечер в филармонии, не слушая и не слыша музыку, и если бы ее спросили о впечатлениях, она не смогла бы ответить! Домой Вера пришла взволнованная и озадаченная – и своими мыслями, и принятым решением. Как обычно, они вместе поужинали – отец всегда дожидался ее прихода, поговорили о прошедшем дне и пожелали друг другу спокойной ночи. Но перед тем, как лечь спать, Вера достала свой синий блокнот и записала под номером сорока пятьдесят вторым услышанную сегодня по радио строчку из песни: «Лучше быть нужным, чем свободным». Указала авторов – А. Иващенко и Г. Васильев. А потом, поколебавшись, поставила на полях вопросительный и рядом восклицательный знаки, что означало – к этой мысли следует вернуться, то есть составить по данному вопросу свое, окончательное мнение.

– Вера, не сутулься! Что за новости? Ты же за инструментом сидишь прямо, вот и сейчас посиди. Как маленькая! Подбородок чуть выше... Так хорошо, сиди, не шевелись...

Вера выпрямилась, подняла подбородок и честно постаралась не шевелиться, хотя именно в этот момент, как назло, у нее ужасно зачесалось левое ухо. Но она решила сидеть смирно и терпеть, потому что искусство, как известно, требует жертв. А посидеть сорок минут спокойно – не такая уж большая жертва во имя искусства. Отец, поглядывая на нее, быстро набрасывал карандашом портрет. Рядом лежала большая папка с надписью «Доченька», и лист, по которому сейчас летал отцовский карандаш, предназначался для этой папки.

Эта семейная традиция была ровесницей Веры. Первый портрет отец нарисовал в тот день, когда новорожденную и еще безымянную дочь принесли из роддома. То есть, строго говоря, на первом портрете ей не то три, не то пять дней от роду. Но зато уж потом отступления ни на шаг не допускались: каждый день рождения Веры начинался с того, что отец рисовал ее портрет. Это позднее уже были подарки, гости, торт со свечками, игры и конкурсы, а сначала именинница должна была провести часа полтора тихо и смирно, сидя на стуле. Папа, мама и их гости всегда очень любили рассматривать портреты из папки, охать, ахать, умиляться и восхищаться. А Вера не любила. Ей всегда казалось, что эта девочка, меняющаяся на глазах, смотрит на нее так внимательно, будто хочет задать ей, Вере, какой-то очень важный вопрос о жизни. Но Вера не знала ответа. Да и лишними вопросами, честно говоря, старалась не задаваться. От греха подальше. Идет все своим чередом, и слава Богу.

Вера посмотрела на отца, увлеченно что-то штриховавшего, и едва сдержала подступившие вдруг слезы. Этого еще не хватало, совсем разучилась держать себя в руках! Она просто очень волновалась в последние дни. Вера так любит отца, старается уберечь его от неприятностей, и вот теперь вынуждена сказать ему такое, от чего у самой дыхание перехватывает. Да и как сказать: «Папа, это Вадим. Возможно... я надеюсь на это... мы будем жить втроем. Нет-нет, не переживай, папа, я всегда буду с тобой рядом и не выйду замуж, пока ты...»?

А что – пока? До сих пор эта фраза, не высказанная вслух, но подразумеваемая ими обоими, звучала так: «Папа, я всегда буду рядом с тобой и не выйду замуж». Девочка Вера – единственная и долгожданная дочь – выросла, укрытая от всех невзгод и избалованная обожанием умного, талантливого, великодушного, как теперь говорят, успешного и самого лучшего на свете мужчины, и второму рядом с ним никогда просто не находилось места. И все думали, что так будет всегда. Но теперь...

– Вера, сиди спокойно!

– Я сижу, папа!

– Ты от меня что-то скрываешь? – неожиданно спросил Борис Георгиевич, отложив карандаш, и посмотрел на нее внимательно.

Вера растерялась. Помолчала, рассматривая свои руки. Потом произнесла весело, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

– С чего ты взял?

– Я не могу поймать выражение твоих глаз. Не обманывай меня, я же вижу: что-то случилось. Что?

Вера вздохнула и проговорила:

– Папа... Придет Вадим, я его давно знаю. Он сын Антонины Ивановны, моей учительницы по сольфеджио. Вадим пианист, долго жил в Москве и за границей, теперь вернулся домой. Мы случайно встретились и...

– Он просто так придет? – внимательно глядя на дочь, уточнил Борис Георгиевич.

– В смысле? Нет... То есть мы... я... – Вера опускала голову, словно в чем-то провинилась.

– Извини-извини, – замахал руками Борис Георгиевич. – Я какие-то глупости спрашиваю. Конечно. Пусть приходит. Буду очень рад. Ты будешь в этом платье?

– Наверное. Или лучше в черном? Я хочу надеть мамину брошь.

– Не надо черного, – решил отец. – И брошь на синем лучше смотрится. А девочки придут? Тебе еще надо что-то готовить? Лина обещала принести пироги, я просил с картошкой...

Отец принялся быстро заканчивать работу, при этом не переставая задавать Вере какие-то вопросы, на которые сам же и отвечал. Вера молчала, стараясь держать спину прямо и чтобы подбородок не дрожал. Он все понял, конечно же, ее самый лучший на свете, самый любимый папа, и ничего лишнего не стал спрашивать. Он знал, что когда дочь будет готова, она сама все расскажет. Ведь у них никогда не было секретов друг от друга.

Гостей – тетю Лину и девочек – пригласили к пяти часам, а Вадима – к четырем. Вера так решила, чтобы избавить его от неловкой сцены, когда все собравшиеся дружно рассматривают вновь прибывшего. Лучше Вадим вместе с Верой встретит гостей. Да и папа сможет к нему присмотреться и переброситься с ним парой слов. Но к четырем часам пришла тетя Лина, очевидно, не желавшая пропустить самого интересного.

– Верочка, поздравляю, моя умница! Вот, открывай, тут тебе подарок! Боречка, с именинницей тебя! Как ты сегодня себя чувствуешь? Давление мерял? А кровь на сахар, все забываю спросить, ты давно сдавал? Вера! Вера! Ты куда ушла? Пироги надо достать из сумки и накрыть полотенцем, пусть отдыхают от дороги, они еще теплые.

– Тетя Лина, это вы с дороги отдохните, пироги же не сами пришли, – засмеялась Вера, прижимая к груди плюшевого медвежонка – подарок тетки. – А шоколадка? Где шоколадка? Вы всегда дарили мне шоколадку!

– Забыла! Вот, дорогая, твоя шоколадка, только не ешь ее перед ужином, я тебя знаю. И не потеряй – у мишки в кармане сертификат в парфюмерный магазин. Не знаю, что вы теперь, молодые, любите, сама себе купишь.

– Молодые, – улыбнулась Вера. – Как же! Мне уже в вашу аптеку пора сертификаты дарить.

– Не говори глупостей! – возмутилась тетя. – Сорок три – это вообще не возраст, поверь мне. Говорят, сорок пять – баба ягодка опять, тебе до ягодки еще расти и расти. Салаты сама делала или опять в ресторане купила?

– В ресторане, – созналась Вера. – Мне времени жаль.

– Господи, учу тебя, учу, все без толку. Бедный мой Боречка, я тебе и салатик принесла. Пусть они свое магазинное жуют, а мы уж домашнее с тобой будем кушать. Давай-давай, неси скатерть белую, с кружевами, уже накрывать пора. Боря, иди одеваться! А кто придет? Маша с Ариной? Или с работы?

Последняя фраза прозвучала вполне невинно и в череде прочих могла бы остаться незамеченной, но Вера знала, что тетя Лина давно страдает от недостатка информации, и слу-

чайно упомянутый в разговоре Вадим месяц служит темой постоянных осторожных расспросов. Поглядывая на часы, Вера ввела в курс тетю. Покосившись на брата, Лина Георгиевна выразила осторожную радость по поводу расширения состава гостей, неизменного уже много лет. И по такому поводу отправилась в комнату причесываться перед зеркалом.

Вера уже не отводила взгляда от часов – четыре сорок, четыре сорок пять... Без пяти минут пять пришла Арина. Вера, воспользовавшись правом именинницы, отправила ее к тетке помогать накрывать на стол, а сама, украдкой прихватив телефон, закрылась в ванной комнате. Пустила воду, забилась в дальний угол и набрала номер телефона Вадима. «Сотовый телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил приятный девичий голос и добавил, зачем-то перейдя на английский: – Please, call later».

«Вот возьму и утоплюсь! – решила Вера. – А если он не придет? Нет, это невозможно! А как же отец? Что он подумает?! Господи, а может, с ним что-то случилось? Попал под машину? Забыл адрес? И еще неизвестно, какой вариант хуже... Вот ведь черт – и реветь нельзя, и умыться холодной водой нельзя – заново красить глаза уже нет времени».

– Вера! Ты чего там? Принимай гостей, именинница! – смеялась под дверью Арина. – Ни звонка, ни стука не слышишь!

Выскочив из ванной комнаты, Вера толкнула дверью Машу. Та тоже раздевалась в прихожей и едва не наступила на подарочный пакет. Рядом топтался смущенный Вадим. В руках у него был красиво упакованный в нарядный целлофан горшок с мелкими желтыми розами, который он выставил перед собой как щит.

– Вот, это тебе... Все киоски обегал, пока нашел. Ты же говорила, что такие любишь, да? – забормотал он, краснея. – Ничего, что они в горшке? Других желтых не было, зато продавец сказала, что они будут у тебя жить несколько недель. А потом вспомнил, что забыл номер твоей квартиры, и сотовый, как назло, сел...

– А я подхожу к подъезду – смотрю, какой-то мужчина топчется с цветами, – вступила Маша, уже по-свойски толкнув Вадима локтем. – Вот я отчего-то сразу решила, что это Вадим. Я не могу сказать, что Вера о вас много рассказывала, она почти ничего не рассказывала, молчала, как партизан. Но подумала – ведь должна же она когда-то нас познакомить? И день рождения – самое то! Говорю: вы не к Вере?

– Я так обрадовался, – улыбнулся Вадим. – Вы прямо как фея...

– Фея Маша, – присела в дурашливом книксене его спасительница. – А это Арина. Она у нас не фея, но тоже очень милая.

– А мы знакомы, – неожиданно промолвила Арина, бесцеремонно рассматривая Вадима. – Вы учились в консерватории на три года старше нас. У меня отличная память на лица.

– Совершенно верно, – вмешалась Вера. – Вы так и будете все стоять в прихожей? Тогда я сейчас папу и тетю Лину сюда позову. Но станет тесно.

Толкаясь и смеясь, они выбрались из небольшой прихожей в гостиную. Борис Георгиевич и Лина Георгиевна сидели на диване чинно, рядышком, хоть потрет пиши, и ждали.

– Папа, тетя Лина, знакомьтесь, это Вадим, – произнесла Вера.

Вопреки ее опасениям, церемония получилась не натянутой. Вадим решил поцеловать тете Лине руку, но ему мешал горшок, который он до сих пор крепко прижимал к себе, так и не вручив имениннице. Вера бросилась отнимать у Вадима горшок, Маша немедленно уронила один из принесенных свертков и закричала, что там ваза, Арина загораживала собой стол, боясь, что во всеобщей толкотне с него что-нибудь уронят. Наконец горшок был отобран, упакован и водружен в центр стола, ваза спасена и оценена по достоинству, места за столом распределены – и все эти важные и беспорядочные хлопоты объединили и сблизили собравшихся.

– Я очень рад, что сегодня за нашим столом двое мужчин, – начал на правах хозяина Борис Георгиевич. – А двое мужчин – это сила! Я уже устал сражаться в одиночестве с этим

бабым царством, потому что на их стороне подавляющее численное преимущество. И вот наконец-то я смогу хотя бы выпить рюмку водки с понимающим меня человеком. Вадим, открывайте шампанское – это дамам, а нам с вами я, с вашего позволения, налью водочки.

– Папа, Вадим не пьет. Ни водку, ни шампанское, – сообщила Вера. – Он вообще не пьет.

– Вот и умница! – возликовала Лина Георгиевна. – Слышал, Борис? И тебе не надо. Давай девочкам шампанское, а мы с тобой по рюмочке моей наливки, она слабенькая, и все!

– Вы за рулем? – поинтересовалась Арина, принимая бокал с шампанским из рук Вадима.

– Н-нет, я...

– Арина, не приставай к человеку! – воскликнула Вера. – У Вадима печень. Не будет же он тебе все свои диагнозы озвучивать. Давайте, поздравляйте уже меня, а то очень есть хочется!

Вера, Арина, Маша и тетя Лина выпили шампанского, Борис Георгиевич, разочарованно вздохнув, – рюмку принесенной сестрой вишневой наливки. Вадим ограничился соком. И вечер пошел по накатанной колее, как бывает, когда собираются люди, давно знающие друг друга и относящиеся друг к другу с искренней симпатией. Но все же присутствие нового человека меняло ситуацию, и первой не выдержала Маша. Улучив момент, когда Лина Георгиевна целиком завладела вниманием Вадима, рассказывая ему о новинках в области гепатопротекторов, то есть лекарств, восстанавливающих печень, она утащила Веру в кухню и спросила:

– Вера, а как вы познакомились? Я очень люблю всякие истории про знакомства, ты же знаешь!

– Мы на улице встретились. Случайно. Арина права, мы вместе учились, только Вадим – старше на четыре года, так что он меня не помнил, старшекурсникам не полагается обращать внимание на новеньких. А я его помню, конечно. И еще его мама у меня сольфеджио преподавала в музыкальной школе.

– Антонина Ивановна? – припомнила Арина, кутившая возле вытяжки. – Нет, у нас она не вела. Надо же, как тесен мир. Хотя у нас, у музыкантов, не мир, а мирок. Курятник. Все друг друга знают. Вот мы с Верой дружим с первого класса, с тобой – с первого курса консерватории. У нас и времени никогда не было познакомиться с кем-то не из нашего круга. Тем более удивительно, что вы с Вадимом раньше не пересеклись.

– Он в Москве жил. И по контракту работал за границей! – похвасталась Вера. – В Италии, в Швейцарии, в Австрии...

– А теперь что? – еще больше удивилась Арина. – Будет тут сидеть? Зачем он сюда-то приехал?

– Мама у него тут, – понизив голос, пояснила Вера. – В общем, сложно все. Я потом расскажу.

– А где он работает? В консерватории?

– Он теперь занимается наукой. Новое направление – музыкотерапия. Очень перспективное. Арин, давай потом, ладно? Я пойду его от тети Лины спасать.

Вера выскочила из кухни. Арина задумчиво смотрела ей вслед.

– Слушай, Маша, тебе не кажется странным, что он вдруг из своих Италий сюда вернулся?

– Нет, не кажется.

– Наверное, тут проще наукой заниматься, чем в Москве. А может, он специально приехал, чтобы с нашей Верой встретиться. Видимо, у них любовь. А любовь – не картошка, не бросишь в окошко, она всех собою мани-ит...

– Странный он какой-то, – не поддержала дурашливую интонацию Арина. – Из Швейцарии да в нашу деревню. Цветы в горшке. Краснеет, как мальчик, чуть ли не заикается. И не пьет. Не наш человек.

– А мне он понравился, – заявила Маша. – Очень милый. Не всем же быть такими мачо, каких ты любишь. И Вере он очень подходит. Я за нее ужасно рада. Брось, Аришка, ты в любовь

не веришь, а я верю! Кстати, слушай, ты не читала книжку новую, «Евстафий» называется? Про композитора... тьфу, фамилия из головы вылетела! Короче, из восемнадцатого века.

– Нет. Мне твоя музыка на работе надоела, чтобы еще дома про нее читать, – засмеялась Арина. – Лучше детективчик.

– Ну и правильно. Просто я читаю и думаю – что это все мне напоминает? А потом сообразила. Он знаешь, как пишет? «Евстафеюшка», «под белы рученьки»... Короче, «рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку, понюхал старик Ромуальдыч свою портянку...» Нет, лучше Ильфа и Петрова никто не написал. Представляешь, молодые авторы, первая книга – и навсегда в историю литературы.

– Ты, Машуня, все про литературу? – улыбнулась Вера, входя в кухню. – Я тебе завидую. У меня на чтение времени совсем не остается, может, на пенсию выйду, тогда уж. Девочки, вы идите в комнату, там Лина собирается в карты играть, а я тут поставлю пирог в духовку греться. Она мне велела непременно в духовку, говорит, не доверяю я этим микроволновкам вашим, невкусное после них все.

Игра в карты тоже была традицией семейных праздников в доме Максимовых. Играли в дурака и в «верю – не верю», проигравший рассказывал анекдоты. Если проигрывала Лина Георгиевна, которая анекдоты не запоминала в принципе, то она в виде исключения кукарекала. Вера поставила пирог в духовку и выглянула в гостиную – как там Вадим? Хозяин и гости азартно перепихивали друг другу карты, стараясь обмануть, избавиться от своих и всучить соседу побольше. Доходило до абсурда:

– Пять королей!

– Верю!

– Еще один!

– Не верю! – возмутился Борис Георгиевич и под общий смех огреб кучу шестерок – но с обещанным еще одним королем сверху. Засопел обиженно, как ребенок.

– Две восьмерки, – спокойно начала новый круг сидевшая рядом с ним Арина.

– Верю, – закивал Вадим и, сконфуженно улыбаясь, получил в свое распоряжение семерку и девятку.

– Никогда не верьте женщинами, Вадим, – засмеялась Маша, – особенно таким, как Арина. Она всегда нас всех обыгрывает.

– Просто надо знать психологию, – усмехнулась Арина.

Вера едва не расхохоталась, увидев, как тетя, убедившись, что на нее никто не смотрит, уронила на пол лишнюю, по ее мнению, карту, после чего триумфально объявила четыре дамы и вышла из игры победителем. Она любила играть в карты, но терпеть не могла кукарекать.

На сей раз анекдоты пришлось рассказывать Вадиму, к огромной радости Бориса Георгиевича, потому что обычно в роли проигравшего выступал он. Куда ему было тягаться в искусстве обмана с женщинами! Вера резала пирог с картошкой и грибами, с наслаждением вдыхая его аромат. Да, тетя непревзойденная мастерица, и тягаться с ней не стоит! Зря она волновалась. Все получилось замечательно. Вадим, кажется, понравился всем, а главное, папе. Сейчас они будут есть пирог, потом пить чай с тортом и непременно со свечками (сорок три – это четыре и три, значит, семь свечек всего). А затем они с Вадимом пойдут провожать девочек и тетю Лину. И будет упоительно пахнуть черемухой, а они станут гулять, как... Да она понятия не имеет как, потому что ни разу в жизни не гуляла в июне по ночам, когда пахнет черемухой. Хотя нет, однажды, после выпускного в школе, но это не считается. А вот сегодня – будет! Сорок три – не возраст, сорок три – не про нее, а про кого-то другого. Лучше поздно, чем никогда. И она никогда не была так счастлива, как сегодня!

Милицу Андреевну разбудил звонок в дверь. Всполошившись, она вскочила, уронив на пол томик Тургенева, над которым сладко задремала часа полтора назад, спросонья долго не могла понять, что к чему, и уже решила, что звонок ей послышался, как позвонили вновь.

Треньканье было деликатным, как бы извиняющимся. Милица Андреевна подошла и посмотрела в «глазок»: конечно, у них на входе в подъезд была железная дверь и домофон, но все равно странным образом внутрь проходили все кому не лень. Вот и сейчас, кажется, тоже... За дверью стоял кто-то невысокий: женщина или ребенок.

– Кто там? – строго спросила Милица.

– Милица, это я, Лина, – извиняющимся тоном произнесла стоявшая за дверью пожилая женщина.

– Лина?! – изумилась хозяйка, моментально распахивая дверь. – Какими судьбами?! Ох, да что же это я! Проходи, проходи скорее!

– Милица, голубушка, извини, что я к тебе без предупреждения, – наконец после многих хлопот с надеванием тапок, мытьем рук, усаживанием на удобное место и наливанием чая произнесла гостя. – Но дело мое такого свойства... по телефону не объяснишь, поэтому я решила как снег на голову. Собралась после работы и...

– Да что ты, о чем речь! – воскликнула Милица Андреевна. – Я очень, очень рада тебя видеть! Просто удивилась, что так поздно. Может, ночевать у меня останешься? Завтра же воскресенье, тебе не на работу.

– Останусь, если можно. Мне с тобой очень надо поговорить, посоветоваться, – призналась гостя. – Беда у нас! А ты же в милиции раньше работала.

– Работала, – несказанно удивившись, подтвердила Милица Андреевна. – Да только когда это было? В прошлом веке! Я ведь уж тринадцать, нет, четырнадцать лет, как уволилась, да и то последние годы в архиве сидела.

– Я помню, как ты Мишку Портнягина со второго этажа поймала, когда он газеты у меня из ящика таскал.

– Да, – с неохотой подтвердила Милица. – Всего-то и дел – порошок подсыпали, он себе все руки и покрасил. Его мать до сих пор со мной не здоровается, хотя у Мишки свои дети взрослые.

– Да она бы спасибо тебе сказала, что сын по кривой дорожке не пошел! – горячо возразила гостя. – И еще сколько мальчишек должны быть тебе благодарны.

– Это да, – улыбнувшись, кивнула Милица. – Когда я в детской комнате милиции работала, знаешь, как меня мальчишки за глаза звали? Не Милица, а Милиция Андреевна. Мне один мой бывший подопечный рассказал. Я ему не подписала заявление, он не смог из ПТУ уйти. Теперь адвокат, представляешь?

– Мы тоже тебя Милицией звали, – призналась гостя. – По-соседски. Тебя все уважали, честное слово!

– Да что ты, – невольно расплылась в улыбке Милица Андреевна – все-таки молодцы соседи, отдают ей должное! – Ты пей, пей чай, устала, наверное, после работы. И печенье бери, очень вкусное, с изюмом. А потом поговорим. У нас вся ночь впереди. Я теперь пенсионерка, мне спешить некуда. Я очень, очень рада, что ты приехала!

Напившись чаю с печеньем и вишневым вареньем, Лина Георгиевна приступила к изложению сути дела, которое неожиданно привело ее в гости к старой знакомой.

– Милица, ты Бориса, брата моего, помнишь? Он художник и ювелир.

– Разумеется! Как он жив-здоров?

– Да слава богу, хотя какое здоровье в его-то годы? Держится, он у нас молодец, даже рисует еще. Он да Верочка, племянница, – вся моя родня. Больше у нас никого нет. Муза, Борова жена, мать Верочки, умерла давно. Верочке тогда было под тридцать, она не успела создать семью. Кто же знал, что так оно сложится? А потом, когда у нее на руках остался пожилой отец – Верочка поздний ребенок, – конечно, у нее уже было мало шансов выйти замуж. Можно сказать, она пожертвовала собой, своим личным счастьем ради отца. – Гостя замолчала и, достав носовой платочек, промокнула непрошеную слезу. – Извини, я так нервничаю...

Милица Андреевна понимающе закивала, заочно проникшись симпатией к незнакомой Верочке с ее чувством долга и самоотверженностью. Потом подлила чаю себе и гостю и устроилась поудобнее, предвкушая интересный рассказ. Ясно, что ради заурядного дела Лина Георгиевна, женщина немолодая и хорошо воспитанная, не заявила бы в гости на ночь глядя, не предупредив заранее о своем визите.

– Верочка никогда не упрекала отца, она окружила его заботой и вниманием, они отлично ладили между собой, хотя оба – художественные натуры, люди незаурядные, – продолжала свое повествование гостья, явно решившая начать издали.

– Верочка, кажется, окончила консерваторию? Она все еще занимается музыкой? – с уважением спросила Милица Андреевна.

– Да, Боречка и Муза так хотели, чтобы Верочка стала музыкантом! Не то чтобы у нее были большие способности, но консерватория так подходила для девочки из приличной семьи. Сейчас она работает в музыкальной школе. Точнее, в районном доме пионеров, но это совершенно не имеет значения! Борю нельзя оставлять надолго, у него большое сердце, а после смерти жены он очень сдал, живет на лекарствах. И только самоотверженный уход Верочки продлевает ему жизнь. Но девочка никогда не жаловалась, ей нравится ее работа, она любит детей, и дети ее очень любят. Занимают призовые места на разных конкурсах!

Милица Андреевна слушала собеседницу и кивала: ей нравилась и Верочка, помимо несомненно высоких нравственных качеств обладавшая, судя по всему, и педагогическим талантом, и сам рассказ – речь у Лины Георгиевны была на редкость правильной, даже немного литературной.

– Короче говоря, все эти годы жизнь шла своим чередом, без всяких, слава богу, потрясений. Разве что Верочка сдала на права, чтобы возить Борю в сад – поездки в электричке стали ему не по силам. А они оба очень, очень любят свой сад, все там обустроили своими руками! И вдруг...

Убаюканная плавно льющейся речью гостьи, Милица Андреевна вздрогнула от неожиданности.

– И вдруг у Верочки появился поклонник! – воскликнула Лина Георгиевна.

Милица Андреевна сообразила, что семья пережила немалое потрясение от вышеупомянутого события.

– А сколько лет Верочке? – невоспитанно поинтересовалась Милица Андреевна.

– Сорок три недавно исполнилось. Нет, ты не думай, я все понимаю, – заторопилась Лина Георгиевна. – Она у нас красавица, стройная, у нее глаза, брови... и волосы роскошные! А как она поет!

– Конечно, – поддакнула Милица Андреевна. – А кто он по профессии?

– А я не сказала? Он тоже пианист, учился вместе с Верочкой, только на два курса старше. У них много общего, и круг общения одинаковый. Вообще-то, они хорошая пара... Да, он совершенно непьющий!

– А что же тебя беспокоит?

Хозяйка дома вдруг стала опасаться, что в этой вполне банальной истории с престарелым отцом и сверхзаботливой тетушкой, которые из эгоистических соображений боятся расстаться с засидевшейся в невестах дочерью и племянницей, ей, Милице Андреевне, не найдется достойного места.

– Верочкин поклонник не поладил с твоим братом?

– Нет-нет, они с Борисом быстро нашли общий язык. Оказалось, что Вадим очень тонко чувствует живопись. И к Верочке прекрасно относится, очень романтично...

– Как его зовут? – перебила Милица Андреевна. – Это может оказаться важным, даже скорее всего...

– Его зовут Вадим. Так вот, они с Верочкой знакомы очень давно, его мама преподавала Верочке сольфеджио в музыкальной школе.

– Так в чем же дело? – вздохнула Милица Андреевна, теряя последнюю надежду.

– Ой, я так волнуюсь, что очень плохо объясняю, – заволновалась Лина Георгиевна. – И ведь всю дорогу в автобусе готовилась, все думала, как тебе получше все рассказать... Давай я лучше начну сначала.

– Давай, – уже без энтузиазма произнесла Милица Андреевна.

Как профессиональный читатель, изучивший за семь лет работы библиотечные фонды, она прекрасно знала, что пока в повествовании нет конфликта, действие развиваться не будет, а до сих пор все участники описываемых событий, люди порядочные и интеллигентные, продемонстрировали себя с самых лучших сторон и конфликтовать не собирались.

Лина Георгиевна допила остывший чай и приступила к рассказу:

– Вера познакомилась с Вадимом осенью прошлого года. То есть они вместе учились в консерватории, но потом много лет не виделись и не общались. А теперь... он увидел Верочку и влюбился.

– С первого взгляда. Бывает, – вздохнула Милица Андреевна и почему-то посмотрела в сторону.

– Да, – не заметив этого, тоже вздохнула Лина Георгиевна. – Очевидно, бывает. Хотя за столько лет никто... В общем, с того дня они с Верочкой стали общаться. И я сразу поняла, что у нее кто-то появился, потому что она изменилась, даже похорошела. Но Вера нам с Борей ничего про него не рассказывала. А вскоре пригласила нас на свой день рождения, и Вадима тоже. Он всех очаровал. Очень приятный и воспитанный. Мы отлично посидели, у меня получился, без преувеличения, вкуснейший пирог. Вера играла на фортепьяно, они с Вадимом пели дуэтом, это было так прекрасно и романтично! Еще мы играли в карты, дурачились, смеялись. Было весело, будто мы все много лет знакомы! Собственно, так оно и было, кроме Вадима, но он – как бы это выразиться? – пришелся ко двору. А потом... – Лина Георгиевна помолчала, справившись с волнением, и выпалила: – Когда все разошлись, Борис обнаружил, что пропала брошь.

– Дорогая брошь? – Милица Андреевна встрепенулась, как боевой конь, услышавший звук трубы.

– Да как сказать... – вздохнула Лина Георгиевна. – Недешевая, конечно. С бриллиантами. Не очень крупными, но все же. Хотя дело даже не в этом. Борис и Муза были женаты много лет, когда родилась Верочка. Они уже думали, что у них никогда не будет детей. А тут дочка, здоровенькая, хорошая. Борис был невероятно счастлив. И подарил жене брошь. Он сам рисовал эскиз, а делал ее знакомый ювелир. Получилась авторская вещь: золотая рыбка, украшенная бриллиантами. Очень красивая! Настоящее произведение искусства. Ее даже на выставки несколько раз у Музы брали, она всегда давала, почему нет? Очень любила эту брошь. И Верочка, когда выросла, часто надевала ее. И в тот вечер тоже. На ней было концертное платье из ткани глубокого синего цвета, и брошь смотрелась изумительно! А потом она пропала. То есть брошь. – От волнения речь Лины Георгиевны стала менее литературной.

– И вы подозреваете этого... знакомого вашей племянницы? – стараясь скрыть разочарование, спросила Милица Андреевна. – Вам надо немедленно обратиться в милицию.

– Да, мы именно его... То есть не мы... А как иначе? – забормотала Лина Георгиевна и, собравшись с духом, выпалила: – Вера отказывается его подозревать! Ка-те-го-рически!

– Ясно, – вздохнула Милица Андреевна. – Такое разочарование для любящей женщины! Полюбить мужчину и узнать, что он банальный вор. Не позавидуешь. А брошь не могла просто потеряться?

– Мы перерыли весь дом. Как только обнаружили пропажу, мы с Верой на четвереньках обползали всю квартиру, каждый сантиметр – и ничего!

– Может, брошь взял кто-то из подруг Веры? Она никого из них не подозревает?

– Нет! – с негодованием отмела версию Лина Георгиевна. – Они все трое знакомы много лет, с юности. Девочки много раз бывали в доме, видели и брошь, и другие вещи.

– А если кто-нибудь из них взял брошь на время, не предупредив?

– Это невозможно, – заявила Лина Георгиевна. – Брать чужие вещи без спроса не принято. Они обе – очень интеллигентные девочки из хороших семей.

– Значит, остается Вадим, – подвела итог Милица Андреевна, не заикливаясь на возрасте девочек. – В конце концов, они едва знакомы, вы ничего про него не знаете. Я правильно тебя поняла?

– Совершенно верно! Мы ничего не знаем ни про его семью, ни про прошлое. Вероятно, у него материальные затруднения! Может, он вообще женат! – предположила самое страшное Лина Георгиевна. – Но Вера... Она в ужасном состоянии. Не верит, что ее любимый мог украсть брошь. Но и других вариантов не видит. Понимает, что они совершенно абсурдны. Она не может перестать с ним встречаться – и не может относиться к нему, как раньше. Вера постоянно плачет. Боря нервничает, он не понимает, из-за чего дочь не находит себе места. Мы же ему не сказали – это его убьет! Наша жизнь превратилась в кошмар. И так долго продолжаться не может. И черт бы с ней, с брошью, но это память о матери. Они оба страдают! Боря страшно переживает за Верочку.

– А Вера не сообщала Вадиму о пропаже броши? Может, следовало спросить его напрямую? – предложила Милица Андреевна.

– Нет! Она же верит в то, что Вадим не виноват. Старается верить. И боится его обидеть. Да и как спросишь? «Прости, ты не крал у нас фамильную брошь с бриллиантом?»

– Да, – задумчиво промолвила Милица Андреевна. – На этот вопрос вряд ли кто-то ответит утвердительно. Я так понимаю, что он не перестал ухаживать за Верой после того злополучного дня рождения?

– Нет, он ведет себя как прежде и очень нежен с Верочкой, – вздохнула Лина Георгиевна. – Вряд ли он вел бы себя так, если бы был... виноват в пропаже броши.

– Да, наверное, – задумчиво подтвердила Милица Андреевна. – Хотя, возможно, он просто умный человек и понимает, что прекрати он встречаться с Верой именно сейчас, это однозначно вызвало бы подозрения. А сколько ему лет?

– Он немного старше Веры. Лет сорок восемь.

– Не мальчик, – заметила Милица Андреевна.

– Разве это возраст для мужчины? – воскликнула Лина Георгиевна. – Это Верочка, как ни печально признавать, старая дева. А Вадим – довольно приятный внешне мужчина, очень обходительный. Воспитанный. Полагаю, он неплохо зарабатывает. Он мог бы найти себе жену или подругу моложе и красивее Веры, если уж на то пошло. Я боюсь думать об этом, но вдруг его привлекло то, что отец Веры – известный художник? И что у них большая квартира в центре города? Может, он рассчитывает жениться на наследнице?

– Тогда какой резон красть брошь, если он намерен получить все? Ведь Борис Георгиевич уже очень не молод и нездоров?

– Тогда я не знаю, – развела руками Лина Георгиевна.

– Да, история, – протянула Милица Андреевна.

Возникшая пауза заменила собой вопрос – а чего же вы от меня хотите? – который должна была бы задать хозяйка госте. Но не задала, потому что, безусловно, была женщиной воспитанной и понимала, что подобный вопрос из уст хозяйки дома прозвучал бы невежливо. Но Лина Георгиевна тоже была женщиной воспитанной и прекрасно понимала, что не имеет права и дальше загадывать загадки, не объясняя цель своего визита. Поэтому она собралась с духом и виновато пробормотала:

– Вот я и подумала... Если бы ты согласилась... Милиция тут ни в чем не разберется. Начнут обыскивать, допрашивать. – Ее даже передернуло при этой мысли, и она умоляюще посмотрела на собеседницу. – В прошлый раз ты так блестяще...

– Вы хотите, чтобы я нашла вора? – Милица Андреевна тщетно пыталась придать своему вопросу недоуменную интонацию, но вместо этого едва сдержала ликование – она давным-давно никому уже не была нужна, а вот поди ж ты!

– Если бы ты согласилась приехать к нам... Познакомиться со всеми, поговорить. Вероятно, ты пришла бы к какому-то выводу. Нашла бы доказательства. В общем, убедила бы Веру, что во всем виноват Вадим. Она бы это пережила, и со временем все вошло бы в свою колею, – бормотала Лина Георгиевна.

Но Милица Андреевна так не считала.

– Возможно, ты права, – заявила она, и гостья посмотрела на нее с робкой надеждой. – Милиция тут не поможет. Улик никаких, а если они начнут допрашивать порядочных людей... Вера может остаться и без любимого, и без подруг. И без броши, в конце концов. И Борис Георгиевич переживает. Я согласна! Приеду. Поговорю. И, надеюсь, сумею разобраться. Во всяком случае, один раз у меня получилось. Да и вообще было немало случаев, – туманно завершила она.

Лина Георгиевна вздохнула с облегчением – ее странная и малопонятная миссия удалась! Дамы легли спать далеко за полночь, разработав детальный план действий на завтра.

На следующее утро Лину Георгиевну разбудил запах свежесваренного кофе, который хозяйски проник в комнату из кухни. На часах было восемь утра.

– Милица, ты что, совсем не ложишься? – С трудом протирая глаза, гостья заглянула в кухню.

– Как спала? – поинтересовалась Милица Андреевна.

– Как ребенок! Сама удивляюсь. С этой историей я уж сколько времени нормально не сплю, все верчусь и думаю, а если усну, то сны снятся тревожные. И вскакиваю в полшестого, как наказанная, хотя мне на работу к десяти. А тут рассказала тебе – и пожалуйста, – сообщила Лина Георгиевна, усаживаясь к столу и принимаясь к запаху кофе.

– Тебе кофе можно? – спросила Милица Андреевна. – В смысле давления.

– Нельзя. Но хочется, – непоследовательно ответила Лина Георгиевна. – Если я выпалась в кои-то веки, так, может, и давление от кофе не подскочит. Уж очень пахнет вкусно!

– Не подскочит, – успокоила ее хозяйка. – Мы же не по ведру, а по чашечке. Мне тоже вредно, а я пью. Что за жизнь без кофе?

– Да. А то я все зеленый чай, зеленый чай! Полезно, наверное, но такая гадость! – сморщилась Лина Георгиевна.

После чашки крепкого кофе со сливками и тарелки овсяной каши Лина Георгиевна пришла к выводу, что жизнь стремительно меняется к лучшему. И отважилась спросить:

– Милица... А ты уже придумала, что ты... что мы будем делать дальше?

Милица Андреевна встала, убрала со стола тарелки и чашки, вытряхнула накрахмаленные салфетки. Задернула шторы. Любопытный июньский ветерок сразу пробрался в распахнутую форточку, осторожно отодвинув тюлевую занавеску, будто хотел непременно подслушать, о чем станут беседовать две пожилые дамы, усевшиеся возле круглого стола, накрытого кружевной белой скатертью.

– Я думаю, что сегодня мы с тобой никуда не пойдем. У меня есть план. – Милица Андреевна едва удержалась, чтобы не сказать «план расследования». – И все, что нам нужно на первом этапе, у меня с собой. Вот!

Она торжественно выложила на стол толстую книгу и две школьных тетрадки. На обложке книги было написано «Ономастика», и это слово ей ни о чем не говорило. Одна тет-

радка новенькая, на двенадцать листов, другая – толстая, изрядно потрепанная, в черной клеенчатой обложке.

– Ну что ж, начнем, пожалуй, – тоном эксперта, старательно скрывая волнение, произнесла Милица Андреевна. – Итак, сначала ты подробно расскажешь мне о том, как все происходило в тот вечер. Вернее, не сначала, а потом... Извини, я тоже волнуюсь. Такая ответственность. Ты назовешь имена всех участников событий, а я по именам постараюсь составить их психологические портреты. И на основе этой информации мы приступим к анализу ситуации.

Лина Георгиевна посмотрела по сторонам, как бы ища поддержки, но помощь ниоткуда не явилась.

– Ты думаешь, имеет смысл? – стараясь скрыть разочарование, спросила она. – Ведь это все из области предположений.

– А вот тут ты заблуждаешься! – Милица Андреевна даже вскочила со стула и обежала вокруг стола. Лина Георгиевна с интересом проследила за ней. – Есть специальная наука об именах – ономастика! И она утверждает, что имя, данное человеку при рождении, во многом определяет его судьбу. Не веришь? А я убедилась на своем примере. И не раз. Вот, к примеру, женщина с именем Милица не терпит в своей жизни перемен и может всю жизнь проработать на одном предприятии. Так и есть – тридцать с лишним лет в милиции – не шутка. Потом, вот, смотри, тут написано: «Среди этих женщин можно встретить специалистов редких профессий, таких, например, как художник по росписи посуды или ткани». По-моему, инспектор по делам несовершеннолетних – это тебе не... продавец в магазине! – Милица Андреевна в запале едва не сказала – аптекарь, но вовремя удержалась.

В этом месте Лина Георгиевна сочла нужным успокаивающе покивать. Она знала, что увлеченные люди страшны в гневе, если считают, что кто-то относится к предмету их любви с непониманием.

– И еще вот написано про меня: «Эта женщина не бывает обойдена вниманием мужчин, но сама инициативу не проявляет, предпочитая, чтобы выбрали ее». Именно так и было! У меня было много знакомых! И даже поклонников, хотя я никогда не позволяла себе проявлять инициативу! И мой муж, хотя он и любил выпить... – Милица Андреевна спохватилась, что ее, кажется, опять занесло, и добавила: – Ты ведь не считаешь это простым совпадением?

Лина Георгиевна именно так и считала, но озвучить свою мысль не решилась. В комнате повисло молчание. Милица Андреевна смотрела в сторону и успокаивающим жестом поглаживала книгу по ономастике. Не зная, что сказать, Лина Георгиевна поправила прическу, проверила две верхние пуговицы на кофте. Вскочила, к большому огорчению любопытного ветерка, захлопнула форточку, расправила складочку на скатерти и переставила свой стул на полметра влево. Прodelав все эти манипуляции, она немного успокоилась и решила пойти на мировую. Ведь она сама обратилась за помощью к Милице. И других вариантов у нее нет. К тому же Милица Андреевна, по большому счету, совершенно чужой человек, так внимательно отнеслась к ее бредовой, в общем-то, идее, согласилась ей помочь, оставила ночевать. Лина Георгиевна, усмехнувшись, представила себя грибом с крепкой белой в черную крапинку ножкой и кокетливой красно-коричневой шляпкой... и отважно полезла в кузов:

– А про меня, например, что ты скажешь, Милица? Лина – редкое имя.

– А я про тебя давно уже посмотрела, – призналась Милица Андреевна и придвинула к себе толстую, потрепанную и почти исписанную тетрадку. – Я про всех своих знакомых знаю. Водрузив на нос очки, она принялась читать: – «В характере Лины отмечается склонность к логичности, целеустремленность и вместе с тем повышенная эмоциональность. Лина старается не показывать своих обид или внутренних переживаний. Наиболее же благоприятно для Лины – перестать копить нервное напряжение; лучше просто обернуть свое чувство юмора к себе самой. Именно добрая самоирония позволит ей уменьшить количество проблем в жизни и высвободить внутреннюю энергию на более плодотворное занятие, чем пустые пережива-

ния». – И, подняв глаза на собеседницу, мягко заметила: – То есть именно то, что ты сейчас и проделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.